

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Русского Географического Общества.

Годъ XXIV.

Выпускъ III.

1915.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1916.

Образцы материала по алеутской живой старинѣ,

собранныхъ на Алеутскихъ островахъ въ экспедиціи Ф. П. Рябушинскаго.

Предисловіе.

Этнологическое отдѣленіе (Bureau of American Ethnology) Смитсоніанского Института въ Вашингтонѣ предложило мнѣ обработать для издаваемаго этимъ Институтомъ „Handbook of American Indian Languages“ нѣсколько алеутскихъ текстовъ. Это изданіе печатается отдѣльными выпусками и редактируется почетнымъ филологомъ Смитсоніанского Института проф. Францомъ Боасомъ.

Изъ собранныхъ мною 140 алеутскихъ текстовъ я обработалъ для указанного изданія шесть. Три изъ нихъ были записаны на двухъ нарѣчіяхъ. Эту работу для американского изданія я сдѣлалъ съ разрешенія Т. К. Рябушинской, вдовы основателя Камчатской экспедиціи.

Такъ какъ алеутскіе тексты не только представляютъ собою лингвистический материалъ, но и заключаютъ въ себѣ этнологическія данные, касающіяся материальной, соціальной и религіозной жизни древнихъ и, отчасти, современныхъ алеутовъ, то я рѣшилъ дать на русскомъ языкѣ представляемый при семъ въ значительной степени вольный переводъ обработанныхъ мною текстовъ. При отсутствіи самихъ текстовъ буквальный подстрочный переводъ всѣхъ грамматическихъ элементовъ оригиналовъ,—въ силу полисинтетического характера алеутскаго языка и другихъ особенностей его структуры¹,— затруднялъ бы пониманіе смысла текстовъ для лицъ, интересующихся только фольклоромъ. Но, поскольку это не мѣшаетъ общепонятности изложенія, я старался сохранить въ русскомъ переводѣ духъ алеут-

¹ См. статьи автора: „Замѣтки о фонетическихъ и структурныхъ основахъ алеутскаго языка“ (Ізвѣстія Императ. Академіи Наукъ, декабрь, 1912, стр. 1031—1046) и „The Aleut Language and its Relation to the Eskimo Dialects“ (Proceedings of the XVIII. International Congress of Americanists, London, 1912, pp. 94—104).

ской рѣчи, какъ, напримѣръ, плеоназмъ, выраженный лишнимъ повтореніемъ въ предложеніи личныхъ или притяжательныхъ мѣстоименій, обиліе дѣепричастныхъ формъ, указаніе на двойственное число и иѣкоторая стилистическая и синтаксическая особенности, чуждая русскому языку, но характерная для психологіи алеутскаго.

Алеутскую живую старину можно раздѣлить по ея содержанію на три отдѣла, на: 1) *Uñi'kaх'*—разсказы миѳологического характера, сказки о людяхъ-животныхъ, легенды объ охранителяхъ и другихъ сверхъестественныхъ существахъ; 2) *Kadañ'a'dax'*—древнія сказанія о сильныхъ людяхъ, о могущественныхъ начальникахъ и о чудесныхъ подвигахъ воиновъ; 3) *Tipusa'dax'*—бытовые рассказы изъ современной или прошлой жизни алеутовъ.

Алеуты разматриваютъ сказываніе сказокъ, легендъ и миѳовъ не какъ индивидуальное искусство, а какъ дѣло или творчество племени, выраженное отдѣльными лицами. Специалистъ-сказыватель—*uñikasmi'kaх'*—начинаетъ свои рассказы словами: „Ta'nañ agwā“, т. е.: „Это—произведеніе (или творчество) моей земли“.

До обработки всѣхъ собранныхъ мною текстовъ я долженъ воздержаться отъ общей и сравнительной характеристики алеутской живой старины.

Содержание.

1. Аталунгъ. (Легенда о происхожденіи морскихъ бобровъ). — 2. Воронъ Большой Пупъ и его сватовство. — 3. Алигуяхъ. (Месть отцу за оставленіе имъ матери). — 4. Канаагутухъ. (Человѣкъ, убивавшій дѣтей-мальчиковъ). — 5. Одноглазый человѣкъ и превращеніе женщины въ лисицу. — 6. Севидовскій человѣкъ.

1.

Аталунгъ.

(Легенда о происхожденіи морскихъ бобровъ).

Человѣкъ жилъ. Когда онъ жилъ, онъ по окончаніи дня уходилъ изъ дома, говоря, что отправляется на промыселъ уриловъ¹. Но, выходя, онъ началъ проводить ночи у своей сестры². Сестра его, того человѣка, который проводилъ у нея ночи, въ темнотѣ не узнавала. Однажды, когда онъ у нея провелъ ночь и собирался отъ нея выйти, она отрѣзала у него задній край его птичьей парки³ и заставила

¹ Видъ чернаго баклана (*Phalacrocorax urile*), по-алеутски—*agayu'x*.

² Сестра его жила въ отдѣльной землянкѣ по случаю первыхъ регулъ. Въ этотъ періодъ дѣвушки изолировали въ теченіе 40 дней. Вообще, по представлению алеутовъ, ничего иѣть болѣе нечистаго, какъ менструальная кровь. Малѣйшее прикосновеніе къ ней охотника служило причиной неудачи его на охотѣ. Морскія животныя его избѣгали, особенно киты.

³ Верхняя одежда въ видѣ двойной мѣховой рубахи съ капюшономъ.

выйти. Когда день насталъ, она послала свою дѣвушку-рабыню въ селеніе па то мѣсто, на которомъ мужчины собираются, съ тѣмъ чтобы она постаралась замѣтить, у кого изъ нихъ вырѣзанъ задній край подола парки, и пришла ей сказать. Рабыня ушла. Оказалось, что человѣкъ съ отрѣзаннымъ краемъ парки былъ братъ ея госпожи—Аталунгъ. Она вернулась домой и сказала своей госпожѣ:

— Кромѣ Аталунга никого нѣть съ порваннымъ заднимъ краемъ парки.

Сестра Аталунга наточила свой каменный ножъ и такъ, ожидая ночи, день провела. Ночью человѣкъ къ ней опять пришелъ. Когда онъ сталъ собираться уходить, она своимъ ножомъ отрѣзала у него икру одной ноги и вытолкнула его отъ себя.

На другое утро Аталунгъ лежалъ у себя неподвижно. Такъ лежа, онъ день проводилъ. Его родители услышали, что кто-то плачетъ. Думая, что это можетъ быть ихъ сынъ, они послали къ нему свою младшую дочь узнать, что съ нимъ. Дѣвушка вернулась и сказала, что братъ ея Аталунгъ ночью, промышляя уриловъ, поскользнулся на пометѣ этихъ птицъ и оторвалъ себѣ икру ноги краемъ камня, сорвавшись со скалы¹. Вотъ почему онъ день проводилъ плача. Тогда родители пошли къ нему. Но, проплакавъ весь день, онъ умеръ. Такъ родители и не узнали дѣйствительной причины смерти своего сына. Они полагали, что онъ убился во время охоты за урилами.

Когда той сестрѣ сообщили о смерти брата, она отправилась къ нему. Стоя возлѣ него, она разорвала переднюю часть своей одежды и начала пѣть:

— Мой братъ! Смотри, вотъ эти нижнія двѣ половинки², которыя тебѣ спать не давали, пусть и теперь не дадутъ тебѣ спать, встань!

Когда, это говоря, она пѣла, большой палецъ на ногѣ его началъ шевелиться. Еще она продолжала пѣть, а онъ уже весь зашевелился, всталъ и, обнявшись съ ней, пустился бѣжать къ морю. Добѣжавъ до моря, они бросились въ его волны. Онъ, вынырнувъ, чтобы подышать, поплылъ на западъ; она, нырнувъ, поплыла на востокъ³.

Рассказано на о. Умнакъ алеутомъ Арсеніемъ Крюковымъ.

¹ Ночной промыселъ уриловъ сопряженъ съ большими трудностями. Птица эта, сидя ночью на обрывахъ скаль, засыпаетъ. Охотникъ тихонько къ ней подкрадывается, хватаетъ ее руками за шею и скручиваетъ ей горло. Для удачного промысла пользуются вѣтряной и дождливой погодой, когда урилы отличаются особой сонливостью. Но лазаніе по скаламъ въ такую погоду представляетъ собою значительную опасность.

² Т. е. vulva.

³ Въ одномъ изъ вариантовъ конецъ легенды болѣе развитъ. Родители съ

Воронъ Большой Пупъ и его сватовство.

Жиль былъ Воронъ, оказывается. Двухъ матерей¹ имѣлъ. Тутъ² живши, онъ ходилъ по берегу моря собирать выкидное³. Однажды онъ отправился за сборомъ выкидного, но, цѣлый день проведя въ поискахъ, онъ ничего не нашелъ. Въ томъ мѣстѣ была горка. Онъ поднялся на горку и спустился на другую ея сторону. Подъ горой, оказалось, была землянка. Когда онъ спустился въ нее, онъ увидѣлъ женщину молодую, краснощекую, съ длинной косой. Очнувшись подлѣ нея, онъ повалился съ нею. Такъ близко другъ къ другу буди, они день провели. Еще день они провели вмѣстѣ. На третій день утромъ онъ ушелъ, отправившись обратно въ селеніе своихъ двухъ матерей. Когда онъ пришелъ къ нимъ, онъ началъ имъ говорить:

— Мои двѣ матери! Когда я искалъ выкидного, то, ничего не найдя, я нашелъ женщину молодую, краснощекую, съ длинной косой. Вы двое приведите мнѣ ее оттуда. Встаньте и отправляйтесь въ путь. Если вы этого, мои двѣ матери, не сдѣлаете, я тогда у обоихъ у васъ брюхо расклюю.

Когда Воронъ это сказалъ, тѣ его двѣ матери, не желая, чтобы брюхо у нихъ было расклевано, поднялись со своихъ наръ. Вставши, они двое стали посматривать другъ на друга. Затѣмъ подняли свои парки выше своихъ пуповъ и стали опоясываться, какъ разсказываютъ. Такъ, опоясавшись, они двое отправились въ путь, каждый изъ нихъ стараясь быть впереди. Такъ, перегоняя другъ друга, они шли. Дошедши до той горки, они поднялись на нее. Потомъ съ другой стороны спустились съ нея. Когда они спустились, они увидѣли жилище. Они вошли въ него и, стоя у входа, смотрѣли на переднюю сторону дома. Одинъ изъ двоихъ говорить началъ:

— Мой сынъ Большой Пупъ⁴, мой сынъ Большой Пупъ искалъ выкидного, но, ничего не добывъ, онъ пошелъ и нашелъ женщину молодую, краснощекую, съ длинной косой. Эту женщину, чтобы мы къ нему привели, онъ намъ велѣлъ. Вотъ для этого мы пришли.

рыданіями побѣжали за своими дѣтьми, но въ морѣ они уже увидѣли не людей, а морскихъ бобровъ. Такъ произошли морскіе бобры.

Я помѣстилъ въ образцахъ текстовъ этотъ именно текстъ, потому что онъ у меня имѣется на двухъ нарѣчіяхъ.

¹ Обѣ отцѣ и матери, т. е. родителяхъ, алеуты говорятъ: двѣ матери.

² На островѣ Атту.

³ Подъ „выкиднымъ“ (*sî'pîx'*) алеуты подразумѣваютъ все, что море выбрасываетъ на берегъ: мертвыхъ китовъ, тюленей, морскихъ ежей, моллюсковъ, а также и лѣсъ.

⁴ Это—другое имя Ворона.

Послѣ того какъ это было сказано, день долго еще продолжался, а слова¹ пришедшіе все не слышали. Наконецъ, когда они еще днемъ продолжали стоять, они увидѣли, какъ съ передней стороны дома, отъ самой стѣны, поднялся одинъ стариочекъ въ желѣзной одеждѣ, съ желѣзнымъ посохомъ². Онъ сталъ на полу и, повернувшись въ другую сторону, началъ говорить,—тѣ двое слышали:

— Ворона мужемъ имѣть ей не надо. Когда онъ во время тумана, держа во рту экскременты, менструальную кровь или отбросы Ѣды, пролетаетъ наверху, мы ему не завидуемъ. Этихъ двухъ посланцовъ возьмите тряпкой-подтиралкой и выбросьте ихъ вонъ.

Это они двое слышали. Такъ они день провели. Что съ ними было, они не знали, но днемъ еще они очнулись въ сорной кучѣ и стали другъ друга ощупывать. Своими большими губами, въ разрѣзы которыхъ были вставлены украшенія, они разорвали подстилку и начали итти домой. Когда они пришли домой и Воронъ увидѣлъ, что съ ними той женщины нѣтъ, то не сталъ благодарить своихъ двухъ матерей.

Переночевавъ, онъ на слѣдующій день утромъ, какъ онъ всегда дѣлалъ, отправился на поиски выкидного. Онъ шелъ цѣлый день и ничего выкидного не добылъ. Онъ поднялся на ближайшую горку, потомъ на слѣдующую горку; и когда онъ со второй горки спустился внизъ, то нашелъ, какъ оказывается, шалашъ. Когда онъ вошелъ въ него, то увидѣлъ дѣвушку, у которой только-что окончились первые регулы, краснощекую, съ длинной косой. Подойдя къ ней, онъ съ нею вмѣстѣ повалился и такъ, близко съ ней будучи, цѣлый день провелъ, какъ сказываютъ. Такъ еще одинъ день провелъ онъ. День когда кончился, онъ началъ собираться домой. Прійдя домой и войдя къ своимъ двумъ матерямъ, онъ имъ сказалъ:

— Когда я искалъ выкидного и ничего не добылъ, то нашелъ одну дѣвушку, у которой окончились первые регулы, краснощекую, съ длинной косой. Отправьтесь отсюда, чтобы мнѣ ее привести, иначе я расклюю вамъ обоимъ брюхо.

Такъ, когда онъ сказалъ, не желая, чтобы имъ расклевали брюхо, они, перебивая другъ друга, стали готовиться въ путь. Обнажившись до своихъ пуповъ, они стали опоясываться. Такъ они оттуда отправились; цѣлый день шли, перегоняя другъ друга. Такимъ образомъ они дошли до первой горки. Поднялись на нее. Потомъ дошли до второй горки, и, когда спустились съ нея, они увидѣли шалашъ, который тамъ оказался. Они вошли въ него и оба начали говорить:

— Мой сынъ Большой Пупъ, когда искалъ выкидного и ничего

¹ Т. е. отвѣта.

² Желѣзная одежда и желѣзный посохъ—очевидно, позднѣйшіе, заимствованные элементы этого варианта сказки о Воронѣ.

не добыть, то нашелъ одну дѣвушку, у которой только-что окончились первые регулы, краснощекую, съ длинной косой. Онъ велѣль, чтобы эту найденную имъ дѣвушку мы къ нему привели. Вотъ для этого мы пришли.

Когда они двое это сказали и слѣва¹ имъ не говорили, то они такъ провели тамъ день. Тогда одинъ стариkъ въ желѣзной одеждѣ, съ бокового мѣста на средину дома выйдя, сказалъ:

— Вѣрона она можетъ имѣть мужемъ. Пусть тѣ двое посланные вымоютъ ту, которую они зовутъ.

Такъ они двое вымыли дѣвушку, въ одно ухо вставили ей десять сивучихъ усовъ, въ другое ухо вставили ей десять сивучихъ усовъ² и одѣли ее. Когда дѣвушку отдали, то тѣ двое взяли ее въ серединѣ и, держа ее за обѣ руки, начали итти съ нею домой.

Когда они еще шли, Воронъ поднялся на лабазъ³ своей матери и, ходя на немъ взадъ и впередъ, поджидалъ своихъ матерей. Вдругъ идущіе люди показались, и онъ закричалъ:

— Вотъ одна идущая! Вотъ другой идущій! Вотъ еще одна идущая!—всего трое идущихъ, трое идущихъ!—повторялъ онъ, скаживаются.

Когда онъ такъ радовался, его двѣ матери привели ему его будущую жену. Онъ вошелъ съ нею въ свой домъ. Когда они собирались лечь спать, жена его захотѣла выйти на дворъ. Какъ только она вышла, онъ вышелъ за нею и увидѣлъ, что она испражняется. Два куска экскрементовъ она положила. Воронъ одинъ изъ нихъ съѣлъ, а другой положилъ въ свою сумку. Потомъ они оба вошли въ домъ. Воронъ со своею женой стали ложиться спать. Воронъ подложилъ ей одно крыло вмѣсто травы, другимъ крыломъ ее закрылъ, а нижней частью хвоста обнялъ ее. Такъ они заснули, оказывается. Клювъ его носа на груди у нея оказался, и, когда она просыпалась, то умирала отъ запаха испражненій. Такимъ образомъ она провела ночь.

Когда день наступилъ, Воронъ отправился въ байдаркѣ въ море на промыселъ. Днемъ китъ показался. Воронъ клюнулъ его въ дыхательное отверстіе и убилъ. Потомъ, взявъ кита на буксиръ, потащилъ его въ свое селеніе. Притащивъ его въ свою бухту, Воронъ привязалъ кита ремнями и послалъ свою жену сказать ея матери, чтобы она пришла рѣзать кита. Она отправилась къ своей матери. Цѣлый день шла и, пройдя перешеекъ, пришла въ свое селеніе. Ея мать варила тогда тресковые пузыри. Также жарила ихъ. Когда она вошла къ своей матери, послѣдняя вскричала:

¹ Т. е. отвѣта.

² Сивучи усы вставлялись, какъ украшеніе, въ проколы кругомъ ушной раковины.

³ Платформа на столбахъ, на которой сохраняютъ провизію.

— И... и... и!.. Что съ тобой, что ты плохо выглядишь? А я думала, что, выйдя замуж, тебѣ будетъ хорошо.

Когда она это сказала, она бросила въ нее тресковый пузырь, который лопнуль на ея щекѣ, обваривъ ей лицо.

— И... и... и!..—сказала дочь:—зачѣмъ я пошла къ тебѣ? Я пришла съ хорошими мыслями, а ты со мною такъ поступаешь. Мой мужъ Воронъ, убивши кита и притащивши его въ селеніе, велѣть мнѣ позвать тебя, чтобы ты рѣзала кита. Это приказаніе я исполняю.

И такъ, онъ обѣ отправились къ Ворону рѣзать кита. Но въ это время Воронъ уже самъ началъ разрѣзывать кита. Тутъ, въ числѣ другихъ, пришедшихъ къ празднику людей, оказалась также первая женщина, за которую Воронъ сватался, но которой ему не дали. Она была со своимъ ребенкомъ и все ближе подвигалась къ Ворону. Придвинувшись къ нему, она сказала ему:

— Вотъ, смотри, я давно говорила, что ребенокъ мой совершенно на тебя похожъ; вотъ я принесла его тебѣ показать.

Воронъ въ отвѣтъ подпустилъ ее къ себѣ на разстояніе досягаемости его испражненій. Увидя, что она достаточно близко къ нему подошла, онъ облилъ ее своими испражненіями, отъ которыхъ она сдѣлалась бѣлой. Она отскочила отъ него, крикнувъ:

— Это только у чортова сына испражненія бѣлые, въ то время какъ самъ онъ черный.

А Воронъ въ это время улыбался.

Бывшіе тутъ родственники этой женщины, тѣ именно, которые не хотѣли имѣть Ворона своимъ зятемъ, дали Ворону свои каменные ножи, чтобы онъ ихъ наострилъ. Онъ взялъ и отбилъ у нихъ острея. Такимъ образомъ они своими тупыми ножами не могли рѣзать китового сала, за которымъ они умирали¹. Воронъ смотрѣлъ на нихъ, какъ они, умирая за саломъ, не въ состояніи были его рѣзать. Только его мать да жена² вмѣстѣ съ нимъ рѣзали кита и, долго имъ питаясь, тутъ начали жить.

Эту сказку, мною разсказываемую, я узналъ отъ моего дѣдушки, моего дорогого дѣдушки. Такъ сдѣлалъ настоящій Воронъ, аттовскій настоящій Воронъ. Это я вамъ передаю, это слушайте.

Этотъ варіантъ сказки о Воронѣ рассказалъ на островѣ Атту въ фонографъ алеутъ Степанъ Голодовъ. Такъ онъ окончилъ свой разсказъ.

¹ Алеутскій оборотъ рѣчи.

² О матери жены тутъ уже въ текстѣ не упоминается.

3.

Алигухъ.

(Месть отцу за оставленіе матери).

Алигухъ жилъ, жену имъя и двухъ сыновей имъя. Но вотъ онъ началъ убивать родственниковъ своей жены. Также другихъ жителей своего селенія убивалъ, такъ что немного уже людей осталось. Тогда Алигухъ отправился въсосѣднее селеніе искать себѣ другую жену. Онъ тамъ женился, оказывается, и отъ своей жены отправился обратно въ свое селеніе.

Пріѣхавъ въ свое селеніе, онъ убилъ всѣхъ оставшихся еще тамъ въ живыхъ людей, за исключениемъ своей первой жены и двухъ мальчиковъ. Потомъ онъ, всѣ свои вещи, оружіе, орудія и охотничьи снаряды забравъ, отправился къ своей новой женѣ. Своимъ двумъ мальчикамъ и своей прежней женѣ онъ совершенно ничего не оставилъ. Пріѣхавъ къ своей новой женѣ, онъ сдѣлалъ все, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась. Такъ онъ началъ съ нею жить.

Та жена его, оставленная имъ, со своими двумя мальчиками, никакой ъды не имъя, старалась питаться растеніями морскихъ береговъ.

Оба ея мальчика, играя на дворѣ, увидѣли множество прилетѣвшихъ маленькихъ птичекъ. Не зная ихъ названія, они стали обѣихъ спрашивать свою мать. Мать ихъ имъ обоимъ сказала:

— Тѣ ваши покойные родственники, ваши дяди¹, ваши дѣдушки, ваши прадѣдушки, этихъ маленькихъ птичекъ, воробьями называя и петлями ловя, убивали и ъли.

Это имъ мать сказала.

— Мать моя, если бы у насъ было что-нибудь, похожее на то, что ты сказала, то мы бы убивали этихъ птичекъ и вмѣстѣ съ тобою ихъ ъли бы—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

Когда ей это было сказано, она подняла свою голову, посмотрѣла на потолокъ и, увидѣвъ тамъ висѣвшія петли, сняла ихъ и дала своимъ двумъ сыновьямъ.

Тѣ два мальчика, взявъ отъ матери петли, вышли съ ними на дворъ. Весь день мальчики провели въ ловлѣ птичекъ. Много ихъ набили. Къ вечеру принесли ихъ своей матери. Мать поспѣшила снять шкурки и вычистить. Мясо птичекъ она варила и кормила имъ себя и своихъ дѣтей, а изъ шкурокъ сдѣлала, оказывается, своимъ мальчикамъ птичий парки.

¹ Тутъ вопросъ идетъ о братьяхъ матери. Дядя со стороны матери называется а'mix', а дядя со стороны отца—адахта'пах', т. е. возможный отецъ.

Скоро оба мальчика стали искать на морскомъ берегу выкиднога¹. Найдя тюленя², они принесли его въ селеніе своей матери. Ихъ мать сняла съ тюленя шкуру, и мясо его она ъла со своими дѣтьми. Мальчики опять отправились искать выкидного и нашли, оказывается, сивуча. Съ этого сивуча мать вмѣстѣ съ сыновьями сняла шкуру. Мясомъ они долго кормились, а шкуру мать высушила и положила въ запасъ.

Однажды оба мальчика, послѣ того какъ они цѣлый день провели на дворѣ, вошли къ своей матери и начали говорить:

— Если бы мы имѣли байдарку, то ъздили бы въ ней и искали бы всего, что можетъ служить намъ пищей. Не имѣя байдарки, мы вотъ ничего не добываемъ.

Когда ей было это сказано, она вышла изъ дома. Пройдясь по тому мѣstu въ селеніи, гдѣ раньше строили байдарки, она собрала отдѣльныя части деревяннаго остова байдарки и начала готовить изъ нихъ байдарку для своихъ сыновей. Сдѣлавъ байдарку, она передала ее своимъ двумъ сыновьямъ.

Въ необитаемомъ домѣ они по этому случаю устроили празднество. Устраивая игры, мальчики начали упражняться въ способахъ, какъ убить покинувшаго ихъ отца. Когда день повернулся къ закату, сыновья Алигуяха начали пѣть въ упомянутомъ домѣ. Вмѣсто бубновъ они употребляли свои руки. Когда они ударяли въ ладоши, въ серединѣ ихъ ладоней появлялся, оказывается, огонь. Тутъ мать для нихъ готовила метательныя копья. И такъ, когда день бывало наступить, они начинали промышлять тюленей, привозили ихъ матери и заставляли ее запасать пищу.

Оба сына начали спрашивать мать о своемъ отцѣ. Она имъ говорила, что ихъ отецъ въ другое селеніе перѣхалъ, но живъ ли онъ, она не знаетъ. Тогда сыновья ея начали проситься у матери, чтобы она ихъ отпустила въ селеніе отца. Она ихъ отпустила, но съ тѣмъ, чтобы, посѣтивъ его, они немедленно вернулись домой.

Итакъ, они отправились въ селеніе ихъ отца. Когда они доѣхали, отецъ велѣлъ позвать ихъ въ домъ и угостить. Когда они вошли въ домъ своего отца, два человѣка принесли и поставили передъ ними большую посудину съ ъдой. Они ъли изъ этой посудины. Когда они перестали ъесть, отецъ началъ готовить для нихъ праздникъ съ играми. И такъ, веселясь, люди ихъ отца начали пѣть и плясать. Потомъ мальчики готовились пѣть и плясать. Хотя имъ давали въ руки бубны, но они ихъ не взяли, а такъ начали пѣть:

— Два сына Алигуяха вотъ еще живы!

Отецъ, слушая ихъ пѣніе, началъ ихъ узнавать. Итакъ, когда

¹ См. раньше стр. 296.

² Это былъ i'suk', т. е. мелкій видъ Phocidae—Phoca foetida.

они пѣли и плясали, они подвинулись къ лѣстницѣ¹ и, посматривая другъ на друга, начали бить въ ладоши. Появилось пламя, и все внутри дома загорѣлось. Оба они поспѣшно вышли по лѣстницѣ на верхъ дома. И такъ, какъ только изъ дома кто покажется на лѣстницѣ, того оба мальчика сбрасывали внизъ. Когда отецъ ихъ показался, они сказали ему:

— Вотъ ты насъ покинулъ, съ тѣмъ чтобы мы умерли. Вотъ мы живы.

Потомъ они его тожебросили внизъ. Такъ всѣхъ людей отцовскаго селенія убили.

Послѣ этого они вернулись къ своей матери и стали жить хорошо, сказываютъ.

Разсказано на о. Умнакѣ старостой Никольскаго селенія Иваномъ Суворовыемъ.

4.

Канаагутухъ.

(Человѣкъ, убивавшій дѣтей-мальчиковъ).

Канаагутухъ, когда жилъ, въ своихъ селеніяхъ однѣхъ женщинъ собравши держалъ. Онъ ихъ вмѣсто мужчинъ держалъ, заставляя все дѣлать. Если у кого изъ нихъ бывало родится мальчикъ, то онъ заставлялъ его убивать. Дѣвочка когда бывало родится, онъ велѣлъ ее воспитывать.

Однажды у одной изъ его женщинъ родился мальчикъ. Она скрыла его отъ Канаагутуха. Когда онъ подросъ, ребенокъ однажды, играя на дворѣ, металъ дѣтскіе дротики. Канаагутухъ его увидѣлъ, подошелъ къ нему и, поднявъ у него платье, убѣдился, что это мальчикъ. Онъ вошелъ къ его матери и сказалъ:

— Это ты, оказывается, скрыла его отъ меня, чтобы его вырастить.

Онъ это сказалъ и вышелъ. Но на слѣдующій день утромъ онъ велѣлъ мальчику собраться съ нимъ по дрова². Передъ уходомъ его мать дала своему мальчику костяной клинъ. Они вмѣстѣ отправились. Скоро они нашли большое выкидное дерево. Канаагутухъ, расщепивъ его, заставилъ мальчика войти въ щель и, оставивъ его тамъ, ушелъ домой. Мальчикъ своимъ клиномъ раскололъ бревно и вышелъ изъ него. Потомъ онъ взялъ расколотое дерево и понесъ его

¹ Бревно съ зарубками, по которому спускаются въ землянку.

² Т. е. на поиски выкидного лѣса на берегъ моря.

домой. Придя въ селеніе, онъ пошелъ къ жилищу Канаагутуха и, бросивъ ему дерево въ домъ черезъ входное отверстіе, сказалъ:

— Канаагутухъ, вотъ тебѣ собранныя мной дрова!

Канаагутухъ, оставшись недоволенъ этимъ, на слѣдующій день сказалъ мальчику, что онъ отправится съ нимъ на промыселъ уриловъ. Когда мальчикъ собирался въ дорогу, мать его дала ему въ качествѣ амулета птичій пухъ. Когда Канаагутухъ взбрался съ мальчикомъ на высокій утесъ, онъ велѣлъ ему посмотретьъ внизъ. Въ это время онъ его толкнулъ сзади. Мальчикъ тогда вошелъ въ свой пухъ и скатился съ обрыва, ничего не задѣвъ. Тамъ мальчикъ дождался ночи, набилъ уриловъ и вернулся съ ними въ селеніе. Бросивъ ихъ во входное отверстіе дома Канаагутуха, мальчикъ сказалъ:

— Канаагутухъ, вотъ тебѣ упромышленные мной урилы!

На слѣдующій день онъ снова отправился съ мальчикомъ—на промыселъ тюленей. Передъ уходомъ на охоту мать дала мальчику въ качествѣ амулета женскій каменный ножъ и отпустила его отъ себя въ море. Они отправились въ байдаръ Канаагутуха и пристали къ лежбищу тюленей. На лежбищѣ они набили тюленей, и Канаагутухъ заставилъ сына таскать ихъ къ байдарѣ. Когда мальчикъ таскалъ тюленей, онъ одного изъ нихъ оставилъ на берегу, спрятавъ его въ морской капустѣ.

Когда всѣ тюлени были сложены въ байдарѣ, Канаагутухъ оттолкнулъ байдару, оставивъ мальчика на берегу одного. Мальчикъ, оставшись одинъ, досталъ спрятанного имъ тюленя, разрѣзъ ему брюхо въ длину ножомъ и снялъ съ него шкуру. Онъ срѣзъ себѣ кусокъ сала, вошелъ съ нимъ въ тюленью шкуру и изнутри зашиль разрѣзъ. Онъ это сдѣлалъ на томъ мѣстѣ, куда доходитъ волна прилива. Такъ онъ лежалъ, ожидая прилива. Когда приливъ пришелъ, онъ былъ поднятъ водой, и вѣтеръ его носилъ по морю, пока онъ не былъ выброшенъ на берегъ волнами.

Двѣ женщины пошли траву собирать и нашли на берегу тюленя. Онъ оттащили его отъ берега. Когда онъ разрѣзали ему вдоль шкуру, изъ него вышелъ человѣкъ. Та, которая его первая увидѣла, взяла его къ себѣ мужемъ и привела въ свое селеніе. Его жена имѣла своимъ покровителемъ¹ орла. Онъ сталъ его примѣривать и, упражняясь въ летаніи, онъ старался хватать когтями вещи вѣсомъ съ человѣка, и, летая съ ними, онъ садился и опять леталъ. Когда

¹ Такой покровитель, или личный тотемъ, назывался *u'gduх*. Онъ состоялъ обыкновенно изъ шкуры какого-нибудь животнаго, которую молодые люди получали отъ старшихъ родственниковъ или шамановъ въ качествѣ охранителей. Въ случаѣ опасности или въ борьбѣ съ врагами владѣлецъ одѣвалъ свой *u'gduх* и превращался въ соответствующее животное. *U'gduх*-ами могли быть, впрочемъ, и неодушевленные предметы, какъ растенія, камни, волоса или песчинки.

насталъ вечеръ, онъ взялъ сивучій желудокъ, наполнилъ его жиромъ и, схвативъ его своими когтями, полетѣлъ въ селеніе своей матери. Когда онъ вошелъ ночью къ своей матери, онъ хотя ей говорилъ, но она ему не отвѣчала. Не узнала его. Наконецъ, когда она прішедшаго, оказавшагося ея сыномъ, узнала, то добыла своимъ сверломъ огонь и зажгла свою лампу-жирникъ.

Канаагутухъ, увидя, что у нея въ домѣ свѣтъ, оказывается, появился, то послалъ къ ней свою рабыню узнать, въ чемъ дѣло.

Она велѣла передать Канаагутуху, что, не имѣя ничего особеннаго что дѣлать и будучи голодной, она жарила ремешокъ отъ двери, чтобы его ъѣсть¹. Это оказывается она дѣлала. Когда рабыня ушла, сынъ сказалъ матери:

— Когда день настанетъ, два кита съ головами, обращенными въ разныя стороны, будутъ найдены въ вашей бухтѣ.

И такъ, когда свѣтъ началъ показываться, онъ вошелъ въ своего орла, полетѣлъ на море и убилъ двухъ китовъ. Потомъ онъ ихъ притащилъ въ бухту къ пристани, а самъ сѣлъ на вершинѣ сторожевой горки².

Послѣ этого мать орла пошла къ Канаагутуху и сказала:

— А вотъ я для тебя нашла двухъ китовъ.

На это онъ отвѣтилъ:

— Я уже самъ ихъ раньше тебя нашелъ.

Послѣ этого Канаагутухъ всталъ, одѣлъ шапку изъ кишокъ морскихъ звѣрей и велѣлъ направить къ китамъ свою байдару. Онъ самъ сѣлъ въ байдару, окруженный своими женами. Когда онъ потомъ слѣдилъ за рѣзавшими кита, онъ поднялъ кверху голову и увидѣлъ на сторожевой горкѣ орла. Въ это время орель полетѣлъ къ китамъ и, вырвавъ когтями большой кусокъ китовины, уронилъ его въ сторону своей матери. Когда она хотѣла взять мясо, Канаагутухъ ударилъ ее по рукамъ и велѣлъ ей отойти въ сторону. Когда орель это увидѣлъ, онъ налетѣлъ на Канаагутуха и выбросилъ его изъ байдары.

— Ауага!³ — вскричалъ въ сторону орла Канаагутухъ и снова поднялся на свою байдару. Тогда орель опять на него налетѣлъ, выхватилъ его изъ среды его женъ и полетѣлъ съ нимъ въ открытое море. Когда орель носилъ его далеко надъ моремъ, Канаагутухъ сказалъ:

¹ Это указываетъ на то, что Канаагутухъ не всѣхъ своихъ женщинъ кормилъ одинаково. Нелюбимыхъ онъ морилъ голодомъ.

² У каждого алеутскаго селенія былъ въ старину наблюдательный холмъ, agi'sax', съ котораго наблюдали за появлениемъ морскихъ животныхъ, охотниковъ съ добычей или непріятельскихъ байдарокъ. Для послѣдней цѣли по ночамъ ставили часоваго.

³ Восклицаніе ужаса.

— Я тебѣ дамъ половину своихъ женъ, свою другую байдару отдамъ, только отнеси меня на берегъ.

Но онъ напрасно это говорилъ: орель не понесъ его къ берегу, а, поднявшись съ нимъ еще выше, бросилъ его въ море. Послѣ этого орель полетѣлъ къ берегу. Тѣмъ женщинамъ въ селеніи, которыхъ Канаагутухъ не заставлялъ работать, орель велѣлъ дѣлать трудныя работы. Тѣхъ же, которые были раньше рабынями, онъ сдѣлалъ госпожами. Одѣвъ затѣмъ свой и'гдихъ, онъ полетѣлъ обратно къ своей женѣ. Долго онъ жилъ со своею женою, пока не простудился и умеръ, какъ сказывали.

Разсказано на о. Умнакъ алеутомъ Тимофеемъ Дорофѣевымъ.

5.

Одноглазый человѣкъ и превращеніе женщины въ лисицу.

Одноглазый человѣкъ жилъ, женатый. Ночи онъ проводилъ дома, съ женой, но, какъ только начинало свѣтать, онъ оставлялъ жену и уходилъ изъ дома. Такъ онъ цѣлый день, не приходя къ женѣ, гдѣто проводилъ время. Жена его не знала, почему ея мужъ днемъ домой не приходитъ, гдѣ онъ время проводить и что онъ тамъ дѣлаетъ. Она желала это узнать. Однажды, когда онъ утромъ ушелъ, она послѣдовала за нимъ сзади и дошла до того мѣста, гдѣ онъ проводилъ дни. Но когда она подошла къ нему близко, то увидѣла, что у него одинъ только глазъ. Другой глазъ его былъ покрытъ гноемъ. Когда она это увидѣла, она покинула его. Когда день наступилъ, она отправилась въ путь. Когда она шла, она вдругъ увидѣла, что навстрѣчу ей идетъ великанъ. Когда великанъ дошелъ до нея, онъ раздѣль ее донага, взялъ ее къ себѣ на плечи и понесъ. Онъ дошелъ съ нею до горы и поднялся на вершину. Тамъ была подземная юрта. Великанъ бросилъ женщину во входное отверстіе юрты. Очнувшись въ землянкѣ, она начала плакать. Не имѣя одежды, она страдала отъ холода и жалѣла о томъ, что оставила мужа изъ-за того только, что считала его некрасивымъ. Вотъ обѣ этомъ думая, она стала плакать. Когда она продолжала плакать, она начала слышать, что кто-то говоритъ:

— Ну, перестань плакать, не прибавляй мнѣ къ тому, что я уже чувствую. Вотъ надѣ тобою находятся шкурки земныхъ птицъ. Возьми ихъ и одѣнь. Перестань же плакать.

Женщина посмотрѣла надѣ собою и, послѣ долгихъ поисковъ, увидѣла корзину, плетенную изъ травы. Поискавъ въ ней, она увидѣла парку, сдѣланную изъ вороныхъ шкуръ. Она взяла парку, но, какъ ни старалась ее одѣть, она не могла. Парка была ей мала. Она опять начала плакать. Она снова услышала чей-то голосъ, говорившій:

— Оставь, перестань плакать. Вотъ надъ тобою находится травяная корзина. Въ ней ты найдешь шкуры земныхъ животныхъ, возьми ихъ и одѣнь. Перестань же плакать.

Когда ей это сказали, она посмотрѣла наверхъ и увидѣла корзину. Поискавъ въ ней, она нашла выдѣланную шкуры лисиць. Она ихъ взяла и попробовала одѣть. Когда она стала ихъ одѣвать, она уже стала чувствовать тепло. Одѣвъ шкуры, она начала искать выходъ изъ землянки. Она нашла его и вышла. Она отправилась въ путь. По дорогѣ она почувствовала жажду. Она дошла до рѣки и, когда нагнулась, чтобы пить, посмотрѣла въ водѣ на свои уши, то увидѣла, что у нея, какъ оказывается, были лисьи уши. Такъ она отправилась дальше. Когда она шла, она почувствовала, что за ней кто-то идетъ. Она повернула назадъ свою голову и увидѣла, что за ней, оказывается, волочился лисій хвостъ. Когда она это увидѣла, она пыталась отъ него освободиться, но не была въ состояніи. Такъ она, не снявъ лисьяго хвоста, пошла дальше.

Когда она шла, она дошла до мѣста, гдѣ ея отецъ обыкновенно промышлялъ тюленей. Она спустилась къ берегу моря и стала смотрѣть, какъ ея отецъ на морѣ тюленей убиваетъ. Вотъ отецъ пересталъ охотиться на тюленей и поѣхалъ къ берегу. Увидѣвъ на берегу лисицу, онъ присталъ къ тому мѣсту, гдѣ она находилась. Увидѣвъ, что она его не боится, онъ хотѣлъ ее взять, но она все отъ него отскакивала. Тогда онъ бросилъ ей тюленыи внутренности. Накормивъ ее, онъ отправился въ свое селеніе. И такъ, когда ея отецъ отъ нея ушелъ въ свое селеніе, она тоже туда побѣжала. Когда день уже кончился, она дошла до дома своего отца. Много разъ она пыталась войти въ его домъ. Но какъ только она наклонить свою голову, чтобы спуститься въ него, такъ ея голова сама отскакивала въ сторону. Такъ она не была въ состояніи спуститься въ домъ своего отца. Такъ она ушла въ поле и осталась тамъ, сказываютъ.

Разсказано на о. Умнакъ алеутомъ Арсеніемъ Крюковымъ.

6.

Севидовскій человѣкъ.

Севидовскій человѣкъ¹ жилъ. Послѣ посѣщенія имъ Уягахъ, одного изъ Севидовскихъ острововъ, онъ вернулся въ свое селеніе. Когда онъ присталъ, онъ вытянулъ наполовину свою байдарку на

¹ Т. е. житель Севидовскаго селенія, нѣкогда существовавшаго въ средней части острова Умнакъ, недалеко отъ Севидовскаго вулкана, противъ группы Севидовскихъ острововъ. Это селеніе по-алеутски называлось U'ухъ.

берегъ и пошелъ посмотретьъ на свою сторожевую горку¹. Когда онъ поднялся наверхъ, онъ увидѣлъ, что флотилія байдарокъ, пройдя проливъ между островомъ Унгчинъ и берегомъ, начала входить въ бухту.

Когда онъ это увидѣлъ, то спустился къ своей байдаркѣ, выгрузилъ изъ нея грузъ, наполнилъ петли съ обѣихъ сторонъ байдарки метательными копьями и стрѣлами и отправился къ той флотиліи байдарокъ. Онъ обогнулъ островъ Китнгахъ², обогнулъ также островъ Кичилихъ, потомъ еще обогнулъ островъ Кингдахсанъ и, наконецъ, пройдя мимо острова Киглугихъ и направляясь къ его юго-восточной сторонѣ, увидѣлъ наконецъ флотилію байдарокъ, оказавшуюся въ бухтѣ Кихтунгъ. Когда онъ былъ уже на виду байдарокъ, такъ что онъ могли его уже замѣтить, онъ сдѣлалъ видъ, что ихъ не замѣтилъ, и тихонько прошелъ на морскую сторону. Когда онъ вскорѣ оглянулся назадъ, то увидѣлъ, что флотилія байдарокъ стала подходить къ нему сзади. Увидѣвъ это, онъ сталъ грести на сѣверо-восточную сторону острова Ухчалухъ. Когда онъ рѣшилъ, что ему уже довольно грести, то остановился на водѣ. Байдарки стали его окружать, все ближе подступая къ нему. Тогда онъ, пустивъ метательное копье въ ближайшую байдарку, опрокинулъ ее. Пройдя по ея мѣсту, онъ погребъ дальше. Потомъ одна байдарка съ сильнымъ человѣкомъ стала къ нему приближаться. Потомъ Севидовскій человѣкъ въ него нѣсколько разъ стрѣлялъ, но все не попадалъ, а между тѣмъ стрѣлы его стали кончаться. День уже сталъ клониться къ вечеру. Вдругъ онъ увидѣлъ вблизи себя байдарку, которой раньше не замѣталъ. Онъ пустилъ въ нее метательное копье и хотя попалъ въ человѣка, но не убилъ его. Тогда онъ поспѣшилъ уйти къ острову Ухчалухъ. Когда онъ приблизился къ берегу, то ухватился за морскую капусту и погрузился вмѣстѣ съ байдаркой среди водорослей въ воду.

Гнавшійся за нимъ флотъ байдарокъ присталъ къ берегу, но напрасно его вездѣ искали, не нашли его. Такъ онъ отъ него уѣхали. Тогда онъ снова вынырнулъ изъ воды и сказалъ:

— Меня, котораго зовутъ Анахъ, сына Сивучу-Подобнаго, что вы убили его, вы станете разсказывать, когда на востокъ къ себѣ пріѣдетѣ—такъ вотъ, какъ вы его убили!

Когда онъ оттуда поѣхалъ назадъ и у острова Уягахъ его захватила ночь, то онъ остался на немъ ночевать. На слѣдующее утро онъ вернулся въ Севидовское селеніе.

Долгое время Анахъ не выѣзжалъ изъ своего селенія. Наконецъ,

¹ См. выше примѣчаніе 2, стр. 304.

² Всѣ, упомянутые въ этомъ разсказѣ острова принадлежать къ Севидовской группѣ острововъ.

онъ отправился на востокъ, чтобы погостить на другихъ островахъ. Когда онъ ъхалъ въ байдаркѣ, онъ доѣхалъ до селенія Сагуха¹. Онъ на берегу сдѣлалъ себѣ шалашъ, но скоро его позвали наверхъ къ Сагуху. Анахъ пошелъ. Сагахъ все уже заранѣе устроилъ, чтобы его убить. По поданному знаку люди его должны были броситься на Анаха. Онъ вошелъ въ домъ Сагуха. Когда для него еще готовили угощеніе, ему дали для пользованія ножъ. Онъ осмотрѣлъ данный ему ножъ. Ножъ ему не понравился. Онъ былъ тупой. Тогда онъ бросилъ его, взялъ изъ своего рукава свой собственный острый ножъ и началъ имъ ъсть. Во время его ъды Сагухъ напрасно дѣлалъ знаки: никто изъ его людей не шевелился, чтобы напасть на Анаха. Когда Анахъ кончилъ ъсть, Сагухъ открылъ ему намѣренія, которыя онъ имѣлъ по отношенію къ нему. Когда онъ это ему сказалъ, они сдѣлались друзьями, и Сагухъ отправилъ Ануха домой. И такъ послѣ этого онъ доѣхалъ до своего селенія.

Когда Анахъ состарился, у него въ селеніи не было мужчинъ. Онъ имѣлъ женщинъ вмѣсто мужчинъ. Однажды онъ на островѣ Уягахъ запасалъ пищу. Запасая пищу, онъ дѣлалъ также борта для байдарки, держа въ руку каменную гатку². Когда онъ работалъ, вдругъ со стороны моря и съ береговой стороны показались воины. Онъ со своею гаткой многихъ убилъ, но, такъ какъ онъ не былъ въ состояніи убить всѣхъ, его самого убили, сказываютъ.

Рассказано на о. Умнакъ алеутомъ Тимофѣемъ Дорофѣевымъ.

Вл. Іохельсонъ.

¹ Сагухъ имя ти'кух'-а, т. е. старосты или начальника селенія и той флотиліи байдарокъ, которая напала на Анаха. Ти'кух' означаетъ также богатый и знатный.

² Небольшой топорикъ.